

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2026.32.2.2](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.2.2)
EDN [XJBGSW](https://edn.nko.ru/XJBGSW)
УДК 316.624-053.6

М. Е. Позднякова¹, В. В. Брюно¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

НЕОКРИМИНАЛИЗАЦИЯ ПОДРОСТКОВОЙ ДЕВИАНТНОСТИ: ДИНАМИКА И СТРУКТУРНАЯ ПЕРЕСТРОЙКА

Аннотация. На основе вторичного анализа статистики МВД России, Следственного комитета РФ, Судебного департамента при Верховном Суде РФ, Росстата и других открытых источников рассматриваются изменения масштабов, структуры и форм участия несовершеннолетних в преступности в 2005–2025 гг. Показано, что длительное снижение зарегистрированных преступлений несовершеннолетних не означает однозначного ослабления подростковой делинквентности. Данные 2025 г. указывают на прерывание прежней нисходящей тенденции: выросли число преступлений и коэффициент преступности на 100 тыс. подростков 14–17 лет, увеличилась доля тяжких и особо тяжких деяний. На этом фоне фиксируется структурная перестройка регистрируемой подростковой преступности: сокращение массовых улично-групповых форм сочетается с ростом значимости латентных, организационно сложных и дистанционно координируемых практик. Снижается удельный вес грабежей и разбоев, возрастает роль наркопреступлений, деяний против общественной безопасности и функционально распределённых моделей включения, при которых подросток выполняет отдельную роль в более широкой криминальной схеме. Сопоставление данных МВД и судебной статистики показывает изменение видимого профиля деяний и вовлечённых в них несовершеннолетних: уменьшается доля преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения, снижается представленность подростков с криминальным опытом при сохранении высокой доли группового участия. Эти признаки не раскрывают механизмы вовлечения напрямую, но косвенно указывают на формирование новой морфологии подростковой преступности. Рядом с классическим маргинальным слоем проявляются эпизодические, распределённые и труднее распознаваемые формы участия. В статье неокриминализация понимается как структурная перестройка уголовно-учитываемого сегмента подростковой делинквентности.

Ключевые слова: подростковая преступность, неокриминализация, подростковая девиантность, структура преступности несовершеннолетних, цифровые каналы вовлечения, цифровая делинквентность, подросток-исполнитель

Для цитирования: Позднякова М. Е., Брюно В. В. Неокриминализация подростковой девиантности: динамика и структурная перестройка // Наука. Культура. Общество. 2026. Т. 32, № 2. С. 23–42. DOI [10.19181/nko.2026.32.2.2](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.2.2). EDN [XJBGSW](https://edn.nko.ru/XJBGSW).

Введение. Преступность несовершеннолетних традиционно рассматривается как один из индикаторов социального благополучия и эффективности систем воспитания и профилактики. Подростковая преступность представляет собой совокупность преступлений, совершаемых лицами в возрасте от 14 лет до достижения 18-летнего возраста, и выделяется в криминологии как самостоятельное явление в силу возрастных, психологических и социальных особенностей данной группы [1]. Именно из среды несовершеннолетних правонарушителей формируется значительная часть рецидивной преступности взрослых [1]. По данным криминологических исследований, многие рецидивисты совершают первое преступление в несовершеннолетнем возрасте [2; 3].

© Позднякова М. Е., Брюно В. В., 2026

Россия пережила несколько волн подростковой преступности: пик пришёлся на 1993–1994 гг., затем последовало снижение, прерываемое отдельными всплесками (1999 г., 2004–2005 гг., а также рост в 2013 и 2015 гг.) [4; 5]. В целом со второй половины 2000-х гг. и в 2010-е гг. официальные показатели подростковой преступности имели выраженную нисходящую тенденцию, которая, однако, не была линейной и к 2025 г. демонстрирует признаки изменения. Такая динамика требует осторожной интерпретации и не может трактоваться как прямое ослабление подростковой делинквентности. В литературе обсуждается возможность смещения части противоправной активности в менее наблюдаемые сегменты, прежде всего в цифровую среду, что сопровождается ростом латентности отдельных видов правонарушений [6; 7; 8].

Снижение официальных показателей сопровождается качественными изменениями подростковой преступности. В последнее десятилетие заметнее становятся формы противоправной активности, отличающиеся по каналам вовлечения, характеру участия несовершеннолетних и степени видимости для традиционных институтов профилактики. Особенно выраженными эти процессы стали в 2020-е гг. на фоне пандемии COVID-19 и последующих общественно-политических потрясений, усиливших роль цифровой среды, сетевых коммуникаций и дистанционных форм взаимодействия.

К числу заметных проявлений этой перестройки относятся вовлечение молодёжи в цифровые мошеннические схемы, включая дропперство, а также рост наркопреступлений и деяний экстремистской направленности. Характерными особенностями этих практик являются сравнительная доступность для подростков, фрагментарный характер выполняемых действий и неочевидность их связи с более широкой преступной схемой.

Цель настоящего исследования — выявить основные тенденции динамики и структурной перестройки регистрируемой подростковой преступности в России в 2005–2025 гг. и определить, какие изменения в составе преступлений, формах участия несовершеннолетних и характеристиках подростков-правонарушителей могут рассматриваться как статистически наблюдаемые признаки неокриминализации подростковой делинквентности. Для достижения этой цели рассматриваются показатели, позволяющие оценить перераспределение между разными видами преступлений, изменение роли группового и организованного участия, алкогольной и наркотической интоксикации во время совершения преступлений, а также изменения в отдельных характеристиках социального профиля осуждённых подростков.

Концептуальная рамка исследования. Центральным понятием работы выступает *неокриминализация* как рабочее аналитическое обозначение изменений, происходящих в делинквентном поле несовершеннолетних. Термин используется в отечественных исследованиях подростковой девиантности (см., напр.: Хагуров и др. [9]), однако его содержание пока не является строго устоявшимся и требует уточнения.

В настоящей статье под неокриминализацией понимается трансформация подростковой делинквентности, включая её преступные формы. Базовые формы подросткового противоправного поведения при этом сохраняются, однако меняются их соотношения, способы совершения противоправных действий, каналы и механизмы вовлечения несовершеннолетних, характер их участия и восприятие ими противоправности. Важными признаками этой перестройки становятся цифровые каналы вовлечения, дистанционная координация действий

подростков, низкий порог входа в противоправные схемы и выполнение несовершеннолетними отдельных поручений внутри всей криминальной цепочки.

Предлагаемое понимание неокриминализации соотносится с более широкой дискуссией о снижении прямого физического насилия в современных обществах. В работах Н. Элиаса и С. Пинкера этот процесс связывается с укреплением государственной монополии на легитимное насилие, ростом самоконтроля, расширением эмпатии и снижением культурной допустимости открытой агрессии [10; 11]. Для настоящего исследования эти идеи важны как макросоциальный фон, позволяющий интерпретировать ослабление части уличных и открыто насильственных форм подростковой преступности. Понятие неокриминализации используется для анализа связанного, но более узкого аспекта этой перестройки – изменения способов вовлечения несовершеннолетних в противоправные практики, каналов участия и роста значимости менее видимых, дистанционно координируемых форм.

Исследование исходит из того, что снижение регистрируемой подростковой преступности не может автоматически трактоваться как ослабление делинквентных рисков. На фоне сокращения массовых и относительно хорошо наблюдаемых форм правонарушений по ряду признаков возрастает значение более латентных, организационно сложных и дистанционно координируемых практик. В данной работе рассматривается уголовно-учитываемый сегмент неокриминализации, то есть изменения, фиксируемые через официальную статистику преступлений, выявленных правонарушителей и осуждённых несовершеннолетних. Поэтому выводы исследования касаются прежде всего структурных изменений регистрируемой подростковой преступности, а более широкие механизмы вовлечения требуют проверки на кейсовом и качественном материале.

Для интерпретации статистических данных важно учитывать институциональную природу официальной статистики преступности. Показатели регистрируемых преступлений формируются через выявление, квалификацию, учёт, расследование и судебное рассмотрение, поэтому отражают прежде всего ту часть противоправных практик, которая становится видимой для правоохранительных органов, суда, школы и системы профилактики. В этом отношении продуктивен подход Д. Гарленда, связывающего изменения преступности с более широкими трансформациями культуры контроля, политики безопасности и управления рисками [12]. В отношении подростков это особенно значимо, поскольку снижение официальных показателей может отражать как реальные изменения преступности, так и изменения в практиках выявления, учёта и категоризации рисков.

Для анализа цифрового измерения подростковой делинквентности важен подход Д. Финкельхора. Рассматривая феномен «ювенои» (*juvenoiā*)¹, он обращает внимание на риск преувеличения угроз, связанных с молодёжью и новыми технологиями, и на необходимость отделять реальные изменения девиантных практик от моральной паники вокруг цифровой среды [13]. Это уточнение принципиально, поскольку цифровая среда рассматривается не как отдельная причина подростковой преступности, а как инфраструктура коммуникации, вовлечения и координации, в которой уже существующие делинквентные риски получают новые формы проявления.

К этой же проблематике примыкает концепция «цифрового дрейфа» (*digital drift*), разработанная в современной криминологии для анализа перехода от обычной

¹ *Juvenoiā* — термин, введённый американским социологом Дэвидом Финкельхором в 2010 г., обозначающий тревожное, часто преувеличенное восприятие молодёжи и молодёжной культуры старшими поколениями.

онлайн-коммуникации к противоправному взаимодействию [14; 15]. В этой перспективе мессенджеры, платформы и анонимные каналы облегчают включение подростков в технические и исполнительские поручения при отсутствии устоявшейся криминальной группы и прямого контакта с организаторами.

Эмпирическая база и методы исследования. Исследование опирается на вторичный анализ официальной статистики МВД России, Следственного комитета РФ, Судебного департамента при Верховном Суде РФ, Росстата и других открытых государственных и ведомственных источников за 2005–2025 гг. В центре анализа находятся изменения масштабов и структуры преступности несовершеннолетних, а также характеристики выявленных правонарушителей и осуждённых подростков.

В качестве основных аналитических признаков рассматриваются: общее число преступлений, совершённых несовершеннолетними или при их соучастии, и количество выявленных несовершеннолетних правонарушителей; доля тяжких и особо тяжких деяний; соотношение имущественных, насильственных, наркотических преступлений и деяний против общественной безопасности, основ конституционного строя и безопасности государства; роль алкогольного и наркотического опьянения; показатели группового участия, участия взрослых и организованных форм соучастия; социально-демографические характеристики осуждённых подростков.

При интерпретации данных учитывались ограничения официальной статистики. Она отражает не всю совокупность подростковых делинквентных практик, а те случаи, которые были выявлены, квалифицированы, зарегистрированы и доведены до соответствующей стадии уголовного процесса. Поэтому изменения показателей могут быть связаны как с реальной динамикой преступности, так и с изменениями правоприменения, выявляемости, практик квалификации и структуры регистрируемых деяний. Значение имеет и возможное усиление институционального внимания к цифровым и дистанционно координируемым формам подростковой преступности. В связи с этим интерпретация строится на сопоставлении абсолютных и относительных данных, структуры зарегистрированных деяний, характеристик выявленных правонарушителей и данных судебной статистики. Выводы, касающиеся механизмов вовлечения, формулируются как аналитические гипотезы и не подменяют специальный кейсовый или качественный анализ.

Динамика и структурная перестройка подростковой преступности. За последние два десятилетия подростковая преступность в России существенно изменилась. Число расследованных преступлений, совершённых несовершеннолетними или при их соучастии, сократилось более чем в пять раз — со 154,7 тыс. в 2005 г. до 26,4 тыс. в 2024 г., достигнув минимального значения за рассматриваемый период; в 2025 г. показатель вновь вырос до 29,1 тыс. Заметно уменьшились удельный вес таких преступлений в общем числе раскрытых преступлений, число выявленных несовершеннолетних правонарушителей и число осуждённых подростков. При этом общая численность всех преступников (независимо от возраста) сократилась за тот же период на 54%, то есть подростковый сегмент сокращался быстрее, чем преступность в целом. Переход к коэффициентам на 100 тыс. населения 14–17 лет делает картину менее однозначной: нисходящий тренд сохраняется, но выглядит менее резким, что требует более осторожной интерпретации (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика основных показателей преступности несовершеннолетних в России за 2005–2025 гг.

Год	Численность населения 14–17 лет, тыс. человек	Расследовано преступлений несовершеннолетних или при их соучастии, число	Удельный вес от общего числа всех раскрытых преступлений, %	В том числе тяжкие и особо тяжкие, число	Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений, %	Коэффициент преступности несовершеннолетних на 100 тыс. населения 14–17 лет	Число выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления	Удельный вес от всех выявленных преступников, %	Коэффициент криминальной активности несовершеннолетних на 100 тыс. населения 14–17 лет
2005	8 695,9	154 734	9,1	55 511	35,9	1779,4	149 981	11,6	1724,8
2006	8 072,6	150 264	8,4	51 254	34,1	1861,4	148 595	10,9	1840,7
2007	7 319,1	139 099	7,8	46 742	33,6	1900,5	131 965	10,0	1803,0
2008	6 624,6	116 090	6,8	36 336	31,3	1752,4	107 890	8,6	1628,6
2009	6 184,4	94 720	5,7	29 613	31,3	1531,6	85 452	7,0	1381,7
2010	5 841,7	78 548	5,5	23 461	29,9	1344,6	72 692	6,5	1244,3
2011	5 602,2	71 910	5,5	19 862	27,6	1283,6	65 963	6,3	1177,5
2012	5 428,7	64 270	5,1	14 529	22,6	1183,9	59 461	5,9	1095,3
2013	5 267,6	67 225	5,4	14 634	21,8	1276,2	60 761	6,0	1153,4
2014	5 339,8	59 549	5,0	13 786	23,2	1115,2	54 369	5,4	1018,2
2015	5 374,0	61 833	4,9	13 311	21,5	1150,6	55 993	5,2	1041,7
2016	5 460,4	53 736	4,5	11 537	21,5	984,1	48 589	4,8	889,9
2017	5 650,4	45 288	4,1	10 238	22,6	801,5	42 504	4,4	752,3
2018	5 777,0	43 553	4,0	9 716	22,3	753,9	40 860	4,4	707,3
2019	5 932,0	41 548	3,9	10 113	24,3	700,4	37 953	4,3	639,8
2020	5 991,6	37 771	3,7	9 797	25,9	630,4	33 575	3,9	560,3
2021	6 133,8	31 865	3,1	9 055	28,4	519,5	29 126	3,4	474,8
2022	6 233,4	30 469	2,9	9 295	30,5	488,8	26 305	3,2	422,0
2023	6 458,3	27 325	2,7	9 428	34,5	423,1	22 340	3,0	345,8
2024	6 689,8	26 398	2,9	10 494	39,8	394,6	21 069	3,2	314,9
2025	6 689,3	29 065	3,4	12 687	43,7	434,5	22 231	3,7	332,3

Источники: данные МВД, коэффициенты рассчитаны авторами по данным МВД России и Росстата. Данные приведены без учёта статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

Примечание: Численность возрастной группы 14–17 лет рассчитана авторами как сумма численности мужчин и женщин в возрасте 14, 15, 16 и 17 лет по данным Росстата; коэффициенты рассчитаны авторами на 100 тыс. населения соответствующего возраста.

Такое снижение вряд ли является случайным статистическим колебанием. Наиболее прямым фактором выступила демография: сокращение численности когорты 14–17 лет в 2000–2010-е годы, ставшее следствием спада 1990-х, неизбежно повлияло на абсолютные показатели. В 2020-е гг. демографический фактор перестаёт работать как фактор снижения: в возраст 14–17 лет входят более многочисленные поколения, родившиеся после частичного восстановления рождаемости второй половины 2000-х — начала 2010-х годов. Поэтому рост абсолютного числа преступлений в 2025 г. необходимо сопоставлять с изменением численности самой возрастной когорты. В таблице 1 это учтено через коэффициент преступности на 100 тыс. населения 14–17 лет. В 2025 г. растёт не только абсолютное число преступлений, но и относительный показатель — с 394,6 до 434,5 на 100 тыс. подростков. Это означает, что увеличение возрастной базы не исчерпывает объяснения роста 2025 г., хотя демографический фактор остаётся важным элементом интерпретации.

Демографией эта динамика не исчерпывается. Свою роль могли сыграть социально-экономические изменения: по мере стабилизации 2000-х годов снизилась острота социальной дезорганизации, характерной для предыдущего десятилетия, ослабли некоторые уличные формы подростковой маргинализации, расширились возможности семейной и образовательной поддержки. Значимыми были и институциональные изменения: сформировалась более стабильная система профилактики правонарушений, активизировалась работа комиссий и подразделений по делам несовершеннолетних, расширилось участие образовательных организаций и специалистов сопровождения в профилактической работе. Изменилась и повседневная жизнь подростков. Часть активности, ранее связанной с уличными формами групповой делинквентности, стала сильнее зависеть от цифровой коммуникации и потому хуже улавливается традиционными механизмами учёта. Официальная статистика не позволяет точно оценить вклад каждого из этих факторов; они рассматриваются как возможный объяснительный фон, на котором разворачивается дальнейший анализ структуры преступности.

Снижение общего числа преступлений ещё не означает сокращения подростковой девиантности. Сокращается прежде всего объём массовых и хорошо наблюдаемых правонарушений. Одновременно повышается значение форм, отличающихся большей общественной опасностью, большей латентностью и иными механизмами вовлечения. Меняется не только масштаб, но и внутренняя структура подростковой преступности.

В структуре преступлений, совершённых несовершеннолетними, кража на всём рассматриваемом промежутке остаётся крупнейшей категорией, однако её доминирование уже не выглядит столь безусловным, как прежде. Прежняя модель подростковой преступности, основанная на преобладании привычных имущественных посягательств, сохраняется, но всё отчётливее дополняется другими составами и формами участия. Так, возрастает значение составов, связанных с наркотическим рынком и деяниями против общественной безопасности и основ конституционного строя (см. табл. 2).

Наиболее заметное изменение в структуре осуждений связано с ослаблением тех форм подростковой преступности, которые предполагают непосредственный контакт с потерпевшим и теснее всего связаны с уличной средой. Прежде всего это касается грабежей и разбоев: их доля за рассматриваемый период заметно сократилась (табл. 2). Эти составы часто связаны с демонстрацией силы, групповым давлением и присутствием подростка в публичном пространстве.

Таблица 2
Доля осуждённых, совершивших преступления в возрасте 14–17 лет, по отдельным видам преступлений и категории тяжести, % от общего числа осуждённых в этом возрасте; общее число осуждённых, чел.

Показатель	Удельный вес в общем числе осуждённых													
	2005	2007	2009	2013	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Общее число осуждённых за преступления, совершённые в возрасте 14–17 лет, чел.	99091	84124	56406	29205	22863	23939	20631	18826	16856	14702	14855	14214	12769	11944
Убийство и покушение на убийство	1,6	1,3	1,2	0,9	1,0	1,0	0,8	0,8	0,8	0,7	0,8	0,6	0,7	0,8
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	3,9	3,3	3,5	2,8	3,2	2,6	2,6	2,5	3,1	2,5	2,7	2,7	3,0	3,2
Изнасилование и покушение на изнасилование	1,1	1,2	1,0	0,8	0,8	0,8	0,7	0,7	0,6	0,7	0,7	0,7	0,6	0,8
Насильственные действия сексуального характера	0,6	0,7	0,7	0,7	0,8	0,8	0,9	0,9	1,0	1,0	1,2	1,4	1,6	2,0
Незаконные действия с оружием, боеприпасами	0,3	0,3	0,3	0,4	0,4	0,4	0,4	0,5	0,4	0,3	0,3	0,3	0,3	0,4
Хулиганство	0,3	0,4	0,3	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,4	0,4	1,1
Разбой	5,2	5,3	4,5	3,5	4,1	3,5	3,5	3,3	3,2	2,9	2,7	2,8	2,8	2,7
Грабёж	18,7	20,0	19,2	13,8	12,1	11,7	12,6	12,5	12,1	11,0	10,4	9,7	8,7	8,0
Вымогательство	1,7	1,8	1,9	1,1	1,1	1,1	1,3	1,8	1,6	1,5	1,4	1,5	1,6	1,8
Кража	48,6	45,7	44,3	49,2	44,9	49,0	49,4	48,4	49,8	48,2	48,7	49,4	47,0	40,5
Угон	7,6	7,8	8,7	11,1	11,7	10,1	9,8	10,1	9,7	12,3	11,7	9,9	10,7	10,8
Преступления, связанные с наркотиками	2,4	3,6	4,5	7,3	12,4	10,4	9,4	9,6	8,4	9,0	9,5	10,5	9,8	10,7
Преступления против общественной безопасности, основ конституционного строя и безопасности государства** (экстремизм, терроризм)	*	*	*	*	0,7	0,8	0,8	0,8	0,5	0,6	0,5	0,7	0,9	1,4
Тяжкие и особо тяжкие	52,5	53,1	50,3	46,0	56,7	48,9	49,2	50,7	53,2	56,6	60,6	61,8	62,3	64,4

Источник: данные статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <https://web.archive.org/web/20260126210545/https://cdep.ru/?id=79> (архивная копия от 30.04.2026, дата обращения: 20.05.2026).

Примечания: * Нет данных в открытом доступе; ** Без учёта хулиганства и незаконных действий с оружием и боеприпасами, так как они рассмотрены отдельно.

Поэтому их снижение можно рассматривать как один из признаков *ослабления прежней уличной, или «дворовой», модели* подростковой делинквентности. Это изменение соотносится с макросоциальным ослаблением открытого насилия, описанным в теориях Элиаса и Пинкера [10; 11]; ту же направленность показывают международные данные о снижении ряда индикаторов подросткового насилия [16]. В этой связи проявляется одна из сторон неокриминализации: уличные и насильственные практики сохраняются, однако рядом с ними возрастает значение менее публичных, дистанционно координируемых и организационно сложных способов участия. Подростковая агрессия при этом может менять каналы выражения, включаясь в менее очевидные криминальные сценарии. Вместе с тем снижение доли грабежей и разбоев может быть связано с изменениями заявляемости, выявляемости и квалификации таких деяний, поэтому данный вывод следует понимать как осторожную интерпретацию статистически фиксируемой структуры.

С этим согласуется ослабление роли классических уличных группировок и дворовых субкультур, характерных для конца XX — начала XXI века, с их территориальной привязкой, постоянными компаниями и групповыми механизмами удержания участников [17; 18]. В зарубежной криминологической литературе также отмечается размывание границ подростково-молодёжных уличных группировок, что меняет характер участия в них и способы выхода из таких объединений [19]. Эти процессы соотносятся с более широкой дискуссией о снижении ряда уличных форм преступности и переносе части криминальных практик в цифровую среду [20], а также с усилением контроля в городском пространстве, включая распространение видеонаблюдения [21].

Вместе с тем отдельные показатели осложняют картину ослабления улично-публичных форм подростковой делинквентности. Так, доля осуждённых за хулиганство в 2024 г. увеличилась до 1,1% после 0,4% в 2022–2023 гг. (табл. 2). С учётом небольшого абсолютного числа таких осуждённых и отсутствия последующих судебных данных, этот эпизод не даёт оснований говорить о восстановлении прежней уличной модели подростковой делинквентности, однако может рассматриваться как сигнал, требующий дальнейшего наблюдения.

Тяжёлое насилие не исчезает вслед за спадом массовой уличной делинквентности. По ряду насильственных составов снижение выражено слабее, чем по грабежам и разбоям, а в последние годы наблюдается удержание на относительно стабильном уровне или небольшой рост (табл. 2). В результате на фоне общего снижения менее тяжких деяний такие преступления становятся более заметными в статистической структуре подростковой преступности.

Следует различать долгосрочную и краткосрочную динамику тяжких и особо тяжких преступлений. Если сравнивать с 2005 г., их общее число остаётся значительно ниже: 55,5 тыс. в 2005 г., 10,5 тыс. в 2024 г. и 12,7 тыс. в 2025 г. (табл. 1). Поэтому говорить о долгосрочном абсолютном росте тяжких и особо тяжких преступлений нельзя. Вместе с тем после минимума 2021 г. фиксируется краткосрочный подъём: растёт и абсолютное число таких деяний, и их доля в структуре подростковой преступности. Их удельный вес среди расследованных преступлений увеличился с 21,5% в 2016 г. до 43,7% в 2025 г., а среди осуждённых несовершеннолетних — с 48,9% до 64,4% в 2024 г. (табл. 1 и 2). Иными словами, подростковая преступность стала меньше по масштабу, но более

тяжёлой по своей структуре. Это изменение пока не доказывает устойчивый разворот, однако показывает, что прежняя нисходящая траектория уже не выглядит однозначной.

Рост доли тяжких и особо тяжких деяний не следует автоматически понимать как рост насильственных преступлений. Категория тяжести определяется максимальной санкцией соответствующей статьи или части статьи², поэтому в неё попадают разные составы: квалифицированные имущественные преступления, наркосбыт, преступления против общественной безопасности, а также деяния, совершённые в организованных формах соучастия. Групповое участие само по себе не всегда делает преступление тяжким, но в ряде составов выступает квалифицирующим признаком и повышает категорию тяжести деяния. Поэтому утяжеление структуры может отражать разные процессы: сохранение части прямого насилия, рост наркосбыта, увеличение роли квалифицированных имущественных составов и более частое включение подростков в организационно сложные, функционально распределённые формы участия.

Одной из наиболее заметных тенденций последних лет стал рост преступлений, связанных с *незаконным оборотом наркотиков*. По данным Генпрокуратуры, в 2025 г. общее число таких преступлений увеличилось на 8,4% по сравнению с 2024 г. и достигло 214,8 тыс.; основную долю составили факты сбыта — около двух третей, или 158,7 тыс. эпизодов. Число фактов сбыта выросло на 17,6%³. В подростковой среде, по ведомственным сообщениям МВД, с 2022 г. количество наркопреступлений возросло в 1,8 раза, а сбыт как основная форма — в 2,4 раза⁴. В 2025 г. к уголовной ответственности за наркопреступления было привлечено почти 1,5 тыс. несовершеннолетних⁵.

Судебная статистика подтверждает, что внутри самой подростковой преступности этот сегмент стал значительно заметнее. Доля осуждённых за наркопреступления подростков увеличилась с 2,4% в 2005 г. до 10,7% в 2024 г. (табл. 2). Это не делает несовершеннолетних основной группой участников наркорынка, однако внутри подростковой преступности рост наркостатей в 4,5 раза является важным признаком структурной перестройки. В этом сегменте подросток чаще оказывается связан не с потреблением как ситуационным фактором правонарушения, а с оборотом наркотиков, прежде всего со сбытом, курьерскими функциями, закладками, передачей информации или выполнением отдельных поручений.

Это изменение помогает объяснить рост доли тяжких и особо тяжких деяний. Наркосбыт относится к санкционно тяжёлым составам⁶, а использование

² УК РФ Статья 15. Категории преступлений // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/a0182fc43a8bbf8974658cda72c860ddfb210c52/ (дата обращения: 03.04.2026).

³ В РФ в 2025 году число выявленных фактов сбыта наркотиков выросло на 17% // ТАСС. 22.02.2026. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/26522889> (дата обращения: 03.04.2026).

⁴ МВД России напоминает подросткам и их родителям об уголовной ответственности за участие в незаконном обороте наркотиков // МВД-Медиа. 10.04.2025. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-napominaet-podrostkam-i-ikh-roditelyam-ob-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-uchastie-v-nezakon/> (дата обращения: 03.04.2026).

⁵ Заместитель секретаря Совбеза РФ Александр Гребенкин: [интервью] // Следственный комитет Российской Федерации. 19.02.2026. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/speeches/3974/> (дата обращения: 03.04.2026).

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Ст. 228.1 «Незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств...» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/c6e15d3f1ba69acd08e0639594df466ecdff1958d (дата обращения: 04.04.2026).

электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая интернет, групповой характер действий, крупный размер или организованная форма дополнительно повышают категорию тяжести деяния. Поэтому увеличение доли наркопреступлений может утяжелять структуру подростковой преступности даже без роста прямого физического насилия.

Изменяются и способы вовлечения. По данным МВД, вербовка несовершеннолетних нередко маскируется под «подработку для молодёжи» и осуществляется через мессенджеры, теневой сегмент интернета и анонимные каналы связи. Подростки включаются в такие схемы в качестве курьеров, закладчиков или исполнителей отдельных операций, часто не представляя всей структуры сети⁷. Такое фрагментарное участие может снижать субъективное ощущение преступности совершаемого действия. Подросток видит перед собой поручение, маршрут, перевод, закладку, но не всю криминальную цепочку.

Сходный по направлению, хотя и менее масштабный процесс наблюдается в группе преступлений против *общественной безопасности и основ конституционного строя*, включающей, в частности, террористические и экстремистские составы. В открытой судебной статистике осуждённых несовершеннолетних эта группа становится доступной для последовательного анализа с середины 2010-х годов. Далее её удельный вес меняется волнообразно, но к 2024 г. оказывается выше начальных значений — 1,4% против 0,7–0,8% в 2015–2018 гг. (табл. 2). В абсолютном выражении речь идёт о сравнительно небольшом числе осуждённых подростков, поэтому этот рост нельзя трактовать как массовое распространение таких преступлений. Однако его аналитическое значение не сводится к числу эпизодов.

Эти составы значимы потому, что плохо укладываются в привычную модель уличной подростковой делинквентности. В них заметнее роль идеологического воздействия, символического смысла действия, сетевой коммуникации и дистанционной координации. Исследования онлайн-радикализации молодёжи показывают, что социальные сети и цифровые платформы становятся средой распространения радикальных идей, формирования сетевых связей и вхождения молодых людей в сообщества с признаками радикализации [22]. Подросток может включаться в противоправное действие через переписку, канал в мессенджере, задание от интернет-куратора или уже заданный извне сценарий действия, минуя устойчивую дворовую компанию. Статистика не показывает сам путь вовлечения, но фиксирует рост видимости этих составов, связанных с более сложными и общественно чувствительными формами участия.

Данные 2025 г. сигнализируют об *ослаблении прежней нисходящей траектории*. Выросло число преступлений несовершеннолетних, их удельный вес в общем массиве раскрытых преступлений, коэффициент преступности на 100 тыс. подростков 14–17 лет и доля тяжких и особо тяжких деяний (табл. 1). Рост затронул не только абсолютные показатели, но и относительный коэффициент, поэтому его нельзя свести только к изменению численности возрастной когорты. Вместе с тем объявлять эти изменения устойчивым разворотом пока рано. Один год ещё не образует тренда, а статистика чувстви-

⁷ МВД России напоминает подросткам и их родителям об уголовной ответственности за участие в незаконном обороте наркотиков // МВД-Медиа. 10.04.2025. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-napominaet-podrostkam-i-ikh-roditelyam-ob-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-uchastie-v-nezakon/> (дата обращения: 03.04.2026).

тельна к колебаниям выявляемости, квалификации и правоприменения. Однако это возможный показатель перехода к новой фазе, что требует дальнейшего наблюдения.

Характеристики несовершеннолетних правонарушителей и изменение форм участия. Чтобы точнее понять трансформацию подростковой преступности, сопоставим два массива данных: данные МВД о зарегистрированных преступлениях и выявленных несовершеннолетних правонарушителях и судебную статистику. Первый источник показывает динамику и характеристики регистрируемых деяний, второй — какие формы противоправной активности доходят до стадии осуждения и каков социальный профиль вовлечённых подростков. В сочетании они позволяют увидеть изменения более объёмно.

Наиболее явное совпадение тенденций в двух массивах данных фиксируется в показателях, связанных с *алкогольным и наркотическим опьянением*. Согласно судебной статистике, доля осуждённых несовершеннолетних, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, снизилась более чем втрое — с 27,9% в 2005 г. до 8,4% в 2024 г. Снижение по наркотическому и иному опьянению прослеживается на значительно более низком уровне: с 0,5% до 0,3%. Небольшой подъём в середине 2010-х может соотноситься с общим усилением наркопотребления в те годы, хотя этот вывод требует осторожности (табл. 3).

Данные МВД подтверждают ту же направленность: доля преступлений несовершеннолетних, совершаемых в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, в целом снижается и к концу периода держится на уровне около 9,3% против 14,4% в 2005 г. (рис. 1).

Таким образом, оба источника свидетельствуют о сокращении статистически фиксируемой роли опьянения в преступлениях несовершеннолетних. При этом снижение доли преступлений, совершённых в состоянии опьянения, не следует понимать как прямое доказательство исчезновения интоксикационного фактора. Часть состояний, связанных с употреблением синтетических веществ или смешанным потреблением, может хуже выявляться и фиксироваться в уголовной статистике, чем алкогольное опьянение. Поэтому речь идёт прежде всего об уменьшении видимой роли интоксикации, особенно алкогольной, а не о полном уходе этого фактора из подростковой делинквентности.

Эта динамика может быть связана с несколькими процессами: общим сокращением алкогольного потребления в молодых возрастных группах [23], изменением подросткового досуга [24], ослаблением улично-компанийских сценариев рискованного поведения и неоднородной трансформацией наркотической ситуации, включавшей снижение одних учётных показателей⁸ и рост других⁹, а также перестройку рынка и изменение способов вовлечения.

⁸ Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2019 году // Государственный антинаркотический комитет. Москва. 2020. URL: https://правовая-наркология.рф/images/documents/norm_akt_2020/doklad_o_narcosituacii_v_rf_2019.pdf (дата обращения: 20.05.2026).

⁹ Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2024 году // Государственный антинаркотический комитет. Москва 2025. URL: https://правовая-наркология.рф/images/documents/norm_act_2025/2024_report_text.pdf (дата обращения: 20.05.2026).

Таблица 3

Характеристики осуждённых, совершивших преступления в возрасте 14–17 лет, удельный вес в общем числе осуждённых, %

Показатель	Удельный вес в общем числе осуждённых													
	2005	2007	2009	2013	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Общее число осуждённых за преступления, совершённые в возрасте 14–17 лет, чел.	99091	84124	56406	29205	22863	23939	20631	18826	16856	14702	14855	14214	12769	11944
Доля женщин	7,4	7,8	8,4	7,1	7,3	7,6	6,5	6,9	7,9	7,7	8,7	8,6	9,2	9,5
14–15 лет	31,7	30,5	27,9	30,5	27,6	28,0	31,0	32,1	32,1	31,5	29,9	28,9	29,4	29,0
16–17 лет	68,3	69,5	72,1	69,5	72,4	72,0	69,0	67,9	67,9	68,5	70,1	71,1	70,6	71,0
Из полной семьи	42,5	40,3	42,8	43,0	44,6	44,5	43,7	45,2	44,5	45,6	46,3	47,5	48,8	49,8
Из неполной семьи	46,6	46,9	45,0	44,8	44,2	44,6	45,6	45,3	45,9	45,8	45,0	44,7	43,4	42,6
Воспитанники детских домов	10,9	12,8	12,3	12,2	11,2	11,0	10,7	9,4	9,6	8,2	8,6	7,8	7,8	7,5
Состояли на учёте	13,6	16,4	14,9	14,5	17,3	17,2	17,2	15,5	15,7	15,9	15,7	14,3	13,9	13,5
В группе	61,1	56,7	48,6	47,5	47,9	49,2	50,9	53,3	51,0	50,9	50,7	51,8	50,0	50,5
С участием взрослых	24,3	22,9	21,1	19,4	18,6	19,5	20,7	21,3	19,6	19,9	19,7	21,5	22,0	23,2
В алкогольном опьянении	27,9	23,0	20,7	15,0	14,1	14,3	13,0	12,2	11,5	11,2	11,0	10,4	9,7	8,4
В наркотическом или ином опьянении	0,5	0,5	0,4	0,4	0,9	0,7	0,6	0,4	0,3	0,3	0,2	0,3	0,3	0,3

Источники: данные статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <https://web.archive.org/web/20260126210545/https://cdcr.ru/?id=79> (архивная копия от 30.04.2026, дата обращения: 20.05.2026).

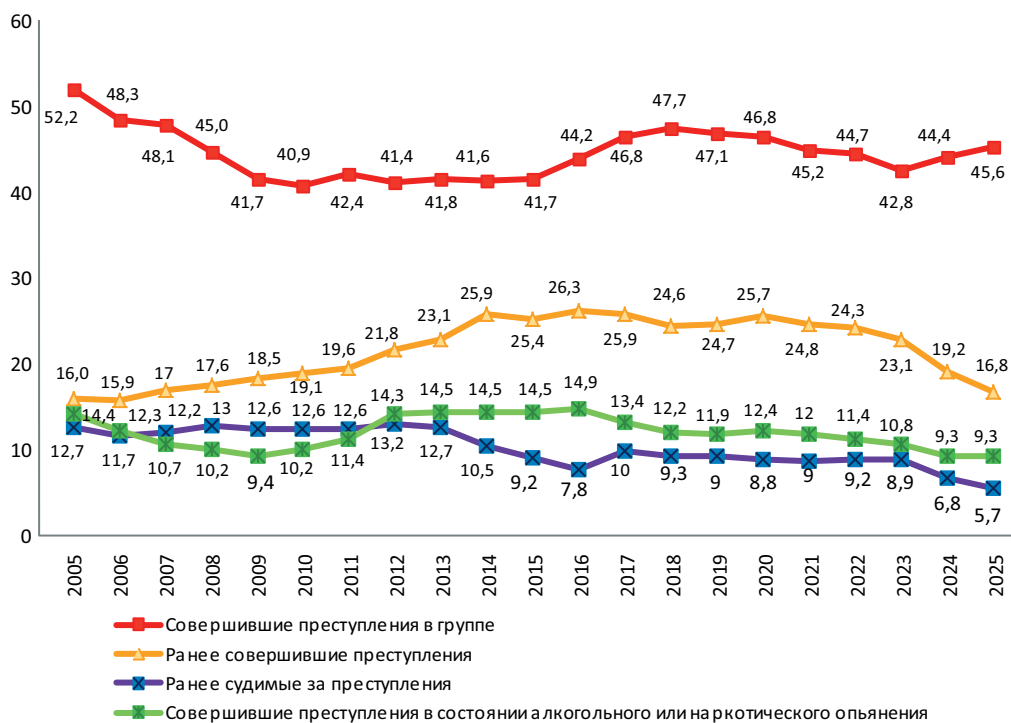

Рисунок 1. Динамика ключевых характеристик преступлений несовершеннолетних, 2005–2025 гг., %.

Источник: составлено авторами по данным МВД России.

Показательным является расхождение между выраженным снижением доли преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения, и ростом преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Оно косвенно указывает на *ослабление алкогольной интоксикационной модели подростковой девиации*, в которой употребление алкоголя выступало ситуационным фактором правонарушения: снижало контроль, повышало импульсивность и, соответственно, вероятность спонтанного правонарушения — драки, кражи, хулиганства. Наркотики при этом в уголовно-учитываемом сегменте подростковой преступности стали значимо проявляться в другой функциональной роли — как предмет оборота, экономический ресурс и инструмент вовлечения в организованные или полуорганизованные практики (закладки, курьерство, посредничество, выполнение поручений или инструкций куратора). Наблюдаемое расхождение может свидетельствовать о структурной перестройке преступной активности — усилении инструментальных и организационных форм участия, при которых от несовершеннолетнего требуется следование инструкции, маршруту и выполнение ограниченной функции в более широкой противоправной схеме.

Анализ *групповых форм преступности* показывает сложную и неоднородную динамику. По данным МВД, доля преступлений несовершеннолетних, совершённых в группе, после снижения с более чем половины всех эпизодов в середине 2000-х до примерно 41% в начале 2010-х годов затем вновь возрастает

и к концу периода удерживается вблизи 43–46% (рис. 1). Судебная статистика фиксирует более высокие значения: в 2005 г. доля осуждённых несовершеннолетних, совершивших преступления в группе, составляла 61,1% (66,5% в 2003 г.), к середине 2010-х она снижается до 47–49%, а затем удерживается около 50% (табл. 3). Групповая форма участия, таким образом, сохраняет значимость на всём протяжении периода, причём в судебной статистике она выражена заметно сильнее, чем в данных МВД о расследованных преступлениях.

Статистика фиксирует сам факт группового участия, однако не раскрывает внутреннее устройство этой группы. За одной и той же категорией «преступление, совершённое в группе» могут стоять разные ситуации: устоявшаяся компания сверстников, случайно сложившаяся группа участников, эпизодическое совместное действие, участие под влиянием взрослого или дистанционно координируемая схема. Эта оговорка особенно важна при анализе участия взрослых. По судебной статистике, после снижения к середине 2010-х годов доля осуждённых несовершеннолетних, совершивших преступления с участием взрослых, вновь возрастает и к 2024 г. приближается к значениям середины 2000-х годов. При этом официальные данные, вероятно, отражают только наиболее видимую часть такого участия. По данным В. А. Лелекова, полученным на материале воспитанников колоний, роль взрослых в начале преступной деятельности подростков оказывается существенно выше, чем это следует из официальной статистики [3].

Сами по себе эти данные не позволяют напрямую судить о том, какой именно тип группового взаимодействия преобладает в тот или иной период, однако сочетание нескольких признаков — сохранение высокой доли групповых преступлений, возвращение показателя участия взрослых после минимума 2015 г. к более высоким значениям и увеличение доли преступлений в составе организованных преступных групп или сообществ с 0,1–0,3% в середине 2000-х до 1,6% в 2024 г. и 2,3% в 2025 г.¹⁰ — позволяет предположить усложнение групповой преступности. Даже при небольшом удельном весе организованного сегмента эти данные могут указывать на более частое включение подростков в схемы с распределением функций, внешним управлением и отдельной исполнительской ролью несовершеннолетнего.

Показатели, связанные с *прежним криминальным опытом*, также указывают на важные изменения. По данным МВД, доля несовершеннолетних, *ранее совершавших преступления*, возростала до середины 2010-х годов, достигая пиковых значений в 2014–2016 гг., после чего снижается и к 2025 г. возвращается к более умеренному уровню. Доля *ранее судимых* подростков сокращается более последовательно — с 12–13% в середине 2000-х до 5,7% к концу периода (рис. 1). В совокупности это может свидетельствовать об ослаблении статистически видимых признаков устойчивых криминальных траекторий и о возможном усилении более эпизодических форм вовлечения.

Судебная статистика косвенно подтверждает эти изменения. Доля *состоявших на учёте* среди осуждённых несовершеннолетних на протяжении периода остаётся в диапазоне 13–17% и к 2024 г. составляет 13,5%, не демонстрируя роста, ожидаемого при расширении устойчивого криминального ядра (табл. 3). Можно предположить, что часть противоправной активности формируется за

¹⁰ Состояние преступности в Российской Федерации (2005–2025) // МВД России. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 05.04.2026).

пределами группы подростков, уже известных системе профилактики. Следовательно, часть рисков возникает вне традиционных каналов наблюдения и реагирования, а прежние индикаторы неблагополучия, профилактического учёта или рецидива не всегда позволяют заранее распознать новые ситуации вовлечения.

Ещё один слой изменений раскрывается через *семейный и социальный фон осуждённых подростков*. Доля несовершеннолетних из полных семей увеличилась с 42,5% в 2005 г. до 49,8% в 2024 г.; доля выходцев из неполных семей сократилась с 46,6% до 42,6%, а доля воспитанников детских домов — с 10,9% до 7,5% (табл. 3). Эти изменения нельзя понимать прямолинейно как исчезновение связи между семейным неблагополучием и преступностью. Защитная роль семьи по-прежнему важна. К тому же формально полная семья ещё не гарантирует качества внутрисемейных отношений: уровня семейного контроля, эмоциональной поддержки и родительского участия в жизни подростка. Эта динамика значима именно как показатель изменения видимого социального профиля осуждённых несовершеннолетних. Одно из возможных объяснений роста доли подростков из полных семей связано с общим сокращением числа осуждённых и снижением представленности наиболее уязвимых групп, прежде всего воспитанников детских домов. Поэтому делать вывод о криминализации «благополучных» подростков пока преждевременно.

Тем не менее вовлечение подростков в преступную активность стало труднее объяснять только привычными признаками неблагополучия — неполной семьёй, детдомовским опытом, безнадзорностью или постановкой на профилактический учёт. Часть подростков может жить в формально благополучной семейной и школьной среде, оставаться вне поля внимания профилактических служб и при этом попадать в рискованные ситуации через цифровые каналы, случайные предложения или обещания заработка онлайн. Можно говорить о том, что меняется сам социальный профиль риска: современные механизмы вовлечения выходят за пределы тех групп, которые раньше считались наиболее очевидными объектами профилактического контроля.

Обращает на себя внимание рост доли девушек среди осуждённых несовершеннолетних после спада середины 2010-х годов: с 2018 по 2024 г. показатель постепенно увеличивается (табл. 3). Пока эта динамика не выглядит радикальной, но может свидетельствовать о некотором изменении гендерного профиля осуждённых несовершеннолетних. Не исключено, что и здесь отражается рост тех форм участия, при которых физическая сила и уличная агрессия играют меньшую роль, а функциональные и посреднические действия оказываются доступнее.

В совокупности данные МВД и судебная статистика указывают на *ослабление ряда статистически видимых признаков маргинального неблагополучия* — алкогольной интоксикации, прежнего криминального опыта и концентрации осуждённых в наиболее уязвимых социальных группах. Высокая роль совместного участия в противоправной деятельности при этом сохраняется, однако эта совместность стала строиться в том числе и на ситуативной координации, распределении ролей и внешнем управлении, а не на сложившихся группах сверстников или общем присутствии подростков в одном пространстве.

Меняется и *фигура подростка-правонарушителя*. Рядом с привычным образом выходца из неблагополучной среды, действующего в компании сверстников, проявляется более сложная фигура — подросток, формально не относящийся к очевидным группам риска, включённый в обычную школьную и семейную

жизнь, но одновременно исполняющий в противоправной деятельности отдельную функциональную роль, нередко воспринимаемую им как временную подработку или поручение. В этой связи благополучная динамика общих показателей не должна создавать ложного ощущения последовательного снижения проблемы. Меняются не только масштабы, но и характер рисков. Соответственно, профилактика, ориентированная главным образом на неблагополучный двор, досуговую безнадзорность и уже известные группы риска, перестаёт охватывать весь спектр актуальных угроз.

Новая морфология подростковой преступности: фигура подростка-исполнителя. Проведённый анализ показывает, что меняется не только масштаб подростковой преступности, но и форма участия в ней. Трансформируются способы вовлечения, характер участия и позиция подростка в противоправной деятельности. Однако говорить о вытеснении «старой» преступности «новой» пока рано. Классическая маргинальная модель сохраняется: тяжкие преступления, насилие, социальное неблагополучие и устойчивые группы риска продолжают присутствовать в структуре подростковой преступности. Рост доли тяжких и особо тяжких деяний при этом указывает не столько на исчезновение прежнего слоя, сколько на сохранение тяжёлого сегмента и усложнение общей структуры преступности несовершеннолетних. Вместе с ним всё отчётливее проступает другой тип участия. Он слабее связан с открытым социальным выпадением, может не предполагать сформировавшейся криминальной идентичности и разворачиваться внутри повседневной жизни внешне обычного подростка. Участие обычно имеет эпизодический и функционально распределённый характер. Подросток может не входить в устойчивую девиантную группу, не быть выражено маргинализированным и не считать себя преступником, но при этом выполнять отдельные действия в составе противоправной схемы.

Можно говорить о расслоении поля подростковой преступности. Один слой остаётся маргинально маркированным и сравнительно привычным для институтов контроля. Другой складывается как распределённое и инфраструктурно организованное участие, хуже распознаваемое на ранних стадиях. Если раньше противоправный опыт обычно входил в жизнь подростка через двор, компанию и ограниченный круг сверстников, то теперь значимую роль играют интернет-платформы, мессенджеры, анонимные каналы, цифровые платёжные сервисы и удалённое кураторство. Вовлечение происходит через цепочку отдельных операций. Отсюда ещё одно изменение — переход от спонтанного события к сценарному действию, при котором подростку предлагают конкретную роль, задают последовательность шагов и тем самым могут ослаблять субъективное ощущение противоправности участия.

На этом фоне можно выделить фигуру подростка-исполнителя. Она не фиксируется статистикой напрямую и рассматривается авторами как аналитическое обобщение, позволяющее описать новый тип участия в противоправных практиках. Подросток-исполнитель не обязательно агрессивен, глубоко криминализован или социально исключён. Его участие может ограничиваться отдельным действием: переводом денег, передачей предмета, выполнением поручения, откликом на предложение «подработки» или следованием инструкции удалённого куратора. Будничность и фрагментарность такой роли могут снижать ощущение её криминального характера.

Заключение. Проведённый анализ показывает, что сокращение общего числа преступлений несовершеннолетних сопровождается противоречивым процессом. Ослабление части массовых и хорошо наблюдаемых форм уличной делинквентности сочетается с утяжелением структуры подростковой преступности, ростом значимости наркопреступлений и деяний против общественной безопасности. Более выраженными становятся формы участия, связанные с цифровыми каналами вовлечения, дистанционной координацией действий несовершеннолетних и их включением в распределённую цепочку противоправных операций. Полученные данные дают основание рассматривать неокриминализацию как структурную перестройку уголовного сегмента подростковой делинквентности.

Главный вызов для профилактики сегодня связан с расхождением между прежними профилактическими ориентирами и новой морфологией участия подростков в противоправных действиях. Если система предупреждения будет ориентироваться преимущественно на неблагополучную семью, уличную компанию, рискованный досуг, связанный с употреблением алкоголя, прежний криминальный опыт и постановку на учёт, часть новых рисков останется вне поля внимания. Современная профилактика должна учитывать, помимо классических рисков, и новые: цифровые каналы коммуникации, анонимные предложения «подработки», финансовые и курьерские поручения, инструкции удалённых кураторов и ситуации, в которых подросток включается только в отдельный фрагмент противоправной схемы. Иначе профилактика будет замечать проблему слишком поздно — на этапе, когда разовое поручение уже может обернуться уголовным эпизодом.

Библиографический список

1. *Забрянский Г. И.* Криминология несовершеннолетних (социология преступности). М. : Российская академия адвокатуры и нотариата, 2013. 352 с. EDN [RXGWER](#).
2. *Писаревская Е. А.* Рецидивная преступность несовершеннолетних: состояние и основные тенденции // Уголовная юстиция. 2024. № 24. С. 123–127. DOI [10.17223/23088451/24/21](#). EDN [SRMEXB](#).
3. *Лелеков В. А.* Преступный рецидив несовершеннолетних и его предупреждение // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 4. С. 15–23. EDN [TFGIOR](#).
4. *Теунаев А. С. У., Дубова М. Е.* Новый взгляд на качественно-количественные показатели подростковой преступности в России // Юридические исследования. 2021. № 2. С. 44–63. DOI [10.25136/2409-7136.2021.2.34667](#). EDN [LEVSGB](#).
5. *Хасанова Р. Р.* Динамика преступности несовершеннолетних в России // Экономическое развитие России. 2019. Т. 26, № 11. С. 68–73. EDN [KOANDA](#).
6. *Костоломова М. В.* Цифровая девиация как феномен новой социальной реальности: методологические основания и концептуализация понятия // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 2. С. 41–53. DOI [10.19181/snsp.2020.8.2.7302](#). EDN [UIEQQC](#).
7. *Русскевич Е. А.* Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2022. 351 с. DOI [10.12737/1840963](#). EDN [MPWWHL](#).
8. *Поляков В. В.* Латентность высокотехнологичных преступлений: понятие, структура, методы оценки уровня // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17, № 2. С. 146–155. DOI [10.17150/2500-4255.2023.17\(2\).146-155](#). EDN [CLXHHF](#).
9. «АУЕ»: основные формы и причины подростковой неокриминализации в современной России. Опыт социологического исследования / Т. А. Хагуров, Л. М. Чепелева, А. А. Остапенко [и др.]. Краснодар : Кубанский государственный университет, 2021. 212 с. EDN [LQZPXF](#).
10. *Elias N.* The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations. Revised ed. Oxford : Wiley-Blackwell, 2000. 592 p. ISBN 978-0-631-22161-6.

11. *Pinker S.* The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined. New York : Viking Adult, 2011. 832 p. ISBN 978-0-670-02295-3.
12. *Garland D.* The Culture of Control: Crime and Social Order in Contemporary Society. Chicago : University of Chicago Press, 2001. 307 p. DOI [10.7208/chicago/9780226190174.001.0001](https://doi.org/10.7208/chicago/9780226190174.001.0001).
13. *Finkelhor D.* The Internet, Youth Safety and the Problem of “Juvenoa”. Durham, NH : Crimes against Children Research Center, University of New Hampshire, 2011. 32 p. URL: <https://www.unh.edu/ccrc/sites/default/files/media/2022-02/juvenoa-paper.pdf> (дата обращения: 26.05.2026).
14. *Goldsmith A., Brewer R.* Digital Drift and the Criminal Interaction Order // Theoretical Criminology. 2015. Vol. 19, No. 1. P. 112–130. DOI [10.1177/1362480614538645](https://doi.org/10.1177/1362480614538645).
15. *Holt T. J., Brewer R., Goldsmith A.* Digital Drift and the “Sense of Injustice”: Counter-Productive Policing of Youth Cybercrime // Deviant Behavior. 2019. Vol. 40, No. 9. P. 1144–1156. DOI [10.1080/01639625.2018.1472927](https://doi.org/10.1080/01639625.2018.1472927).
16. Trends in Indicators of Violence Among Adolescents in Europe and North America 1994–2022 / M. Molcho, S. D. Walsh, N. King [et al.] // International Journal of Public Health. 2025. Vol. 70. Art. 1607654. DOI [10.3389/ijph.2025.1607654](https://doi.org/10.3389/ijph.2025.1607654). EDN [OMJFQU](https://www.edn.net/OMJFQU).
17. *Савенков А. И.* Эволюция дворовой субкультуры и территориальное поведение детей и подростков в городской среде // Ценности и смыслы. 2024. № 3(91). С. 6–37. DOI [10.24412/2071-6427-2024-3-6-37](https://doi.org/10.24412/2071-6427-2024-3-6-37). EDN [TROBWS](https://www.edn.net/TROBWS).
18. *Салагаев А. Л.* Делинквентная группировка как разновидность подростково-молодежного территориального сообщества // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2011. № 1(3). С. 3–11. EDN [PAEDLV](https://www.edn.net/PAEDLV).
19. *Kang M.* Weaker the gang, harder the exit // Criminology. 2025. Vol. 63, No. 4. P. 780–814. DOI [10.1111/1745-9125.70008](https://doi.org/10.1111/1745-9125.70008). EDN [SDVNGR](https://www.edn.net/SDVNGR).
20. Understanding Crime Trends in a Hybrid Society: The Digital Drift / Ed. by *M. F. Aebi, S. Caneppele, F. Miró-Llinares*. Cham : Springer, 2025. 131 p. DOI [10.1007/978-3-031-72387-2](https://doi.org/10.1007/978-3-031-72387-2).
21. *Piza E., Welsh B., Farrington D., Thomas A.* CCTV surveillance for crime prevention: a 40-year systematic review with meta-analysis // Criminology & Public Policy. 2019. Vol. 18, No. 1. P. 135–159. DOI [10.1111/1745-9133.12419](https://doi.org/10.1111/1745-9133.12419).
22. *Зубок Ю. А., Карпова А. Ю., Савельев А. О.* Практическая сетевая топология в исследовании процесса онлайн-радикализации молодёжи: возможности и ограничения // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15, № 1. С. 13–42. DOI [10.19181/vis.2024.15.1.2](https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.1.2). EDN [VWSNFH](https://www.edn.net/VWSNFH).
23. *Кондратенко В. А.* Структура и типы потребления алкоголя российской молодежью и их родителями в 2006–2019 гг. // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). 2022. Вып. 12. С. 150–177. DOI [10.19181/rlms-hse.2022.5](https://doi.org/10.19181/rlms-hse.2022.5). EDN [ZGRTCK](https://www.edn.net/ZGRTCK).
24. *Солдатова Г. У., Рассказова Е. И.* Цифровая социализация российских подростков: сквозь призму сравнения с подростками 18 европейских стран // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14, № 3. С. 11–30. DOI [10.17759/sps.2023140302](https://doi.org/10.17759/sps.2023140302). EDN [PFTIUL](https://www.edn.net/PFTIUL).

Поступила: 09.04.2026. Доработана: 23.05.2026. Принята: 29.05.2026.

Сведения об авторах:

Позднякова Маргарита Ефимовна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Сектора социологии девиантного поведения, Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия. margo417@mail.ru
Author ID РИНЦ: [140027](https://elibrary.ru/author_index.action?id=140027); ORCID: [0000-0002-7896-5115](https://orcid.org/0000-0002-7896-5115)

Брюно Виктория Владимировна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Сектора социологии девиантного поведения, Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия. victoria.bruno@mail.ru
Author ID РИНЦ: [181955](https://elibrary.ru/author_index.action?id=181955); ORCID: [0000-0001-9735-024X](https://orcid.org/0000-0001-9735-024X)

М. Е. Позднякова¹, В. В. Брюно¹

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS. Moscow, Russia

NEOCRIMINALIZATION OF JUVENILE DELINQUENCY: DYNAMICS AND STRUCTURAL RECONFIGURATION

Abstract. Drawing on secondary analysis of official statistics from the Ministry of Internal Affairs of Russia, the Investigative Committee of the Russian Federation, the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation, Rosstat, and other open sources, the article examines changes in the scale, structure, and forms of minors' participation in crime in Russia in 2005–2025. The analysis shows that the long-term decline in registered juvenile offences does not necessarily indicate an unequivocal weakening of adolescent delinquency. The 2025 data suggest a possible interruption of the previous downward trend: the number of juvenile offences, the crime rate per 100,000 adolescents aged 14–17, and the share of serious and especially serious offences increased. Against this background, recorded juvenile crime is undergoing structural reconfiguration: the decline of its mass, highly visible street- and group-based forms is accompanied by the growing significance of more latent, organizationally complex, and remotely coordinated practices. The share of robbery and aggravated robbery is decreasing, while drug-related offences, offences against public safety, and functionally distributed forms of participation are becoming more visible. In such cases, a minor performs a limited role within a broader unlawful scheme, often following remote instructions. A comparison of recorded crime statistics and judicial statistics reveals changes in the visible profile of offences and convicted minors: the share of acts committed while intoxicated by alcohol is decreasing, minors with prior criminal experience are becoming less represented, while the share of group offences remains high. These indicators do not directly reveal the mechanisms of involvement, but they indirectly point to the emergence of a new morphology of juvenile crime. Alongside the classical marginal stratum, more episodic, distributed, and less readily identifiable forms of minors' participation in criminal practices are becoming more apparent. In this sense, neocriminalization is understood in the article as a structural reconfiguration of the criminally recorded segment of adolescent delinquency.

Keywords: juvenile crime, neocriminalization, adolescent deviance, structure of juvenile crime, digital channels of involvement, digital delinquency, adolescent executor

For citation: Pozdniakova M. E., Bryuno V. V. Neocriminalization of juvenile delinquency: dynamics and structural reconfiguration. *Science. Culture. Society*. 2026;32(2):23–42. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.2.2>

References

1. Zabryanskii G. I. *Criminology of Minors (Sociology of Crime)*. Moscow: Russian Academy of Advocacy and Notariat; 2013. (In Russ.).
2. Pisarevskaya E. A. Juvenile recidivism: state and main trends. *Russian Journal of Criminal Law*. 2024;(24):123–127. (In Russ.). DOI [10.17223/23088451/24/21](https://doi.org/10.17223/23088451/24/21).
3. Lelekov V. A. Criminal recurrence of minors and its prevention. *Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia*. 2014;(4):15–23. (In Russ.).
4. Teunaev A. S., Dubova M. E. New perspective on qualitative and quantitative indicators of juvenile crime in Russia. *Legal Studies*. 2021;(2):44–63. (In Russ.). DOI [10.25136/2409-7136.2021.2.34667](https://doi.org/10.25136/2409-7136.2021.2.34667).
5. Khasanova R. R. Juvenile crime dynamics in Russia. *Economic Development of Russia*. 2019;26(11):68–73. (In Russ.).
6. Kostolomova M. V. Digital deviance as a phenomenon of new social reality: methodological foundations and conceptualization. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2020;8(2):41–53. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2020.8.2.7302](https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.2.7302).
7. Russkevich E. A. *Criminal Law and "Digital Crime": Problems and Solutions*. 2nd ed. Moscow: INFRA-M; 2022. (In Russ.). DOI [10.12737/1840963](https://doi.org/10.12737/1840963).
8. Polyakov V. V. Latency of high-tech crimes: concept, structure, and methods of assessing its level. *Russian Journal of Criminology*. 2023;17(2):146–155. (In Russ.). DOI [10.17150/2500-4255.2023.17\(2\).146-155](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2023.17(2).146-155).

9. Khagurov T. A., Chepeleva L. M., Ostapenko A. A. [et al.] "AUE": Main Forms and Causes of Adolescent Neocriminalization in Modern Russia. Experience of a Sociological Study. Krasnodar: Kuban State University; 2021. (In Russ.).
10. Elias N. The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations. Revised ed. Oxford: Wiley-Blackwell; 2000. ISBN 978-0-631-22161-6.
11. Pinker S. The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined. New York: Viking Adult; 2011. ISBN 978-0-670-02295-3.
12. Garland D. The Culture of Control: Crime and Social Order in Contemporary Society. Chicago: University of Chicago Press; 2001. DOI [10.7208/chicago/9780226190174.001.0001](https://doi.org/10.7208/chicago/9780226190174.001.0001).
13. Finkelhor D. The Internet, Youth Safety and the Problem of "Juvenoaia". Durham, NH: Crimes against Children Research Center, University of New Hampshire; 2011. Available at: <https://www.unh.edu/ccrc/sites/default/files/media/2022-02/juvenoaia-paper.pdf> (accessed 26.05.2026).
14. Goldsmith A., Brewer R. Digital drift and the criminal interaction order. *Theoretical Criminology*. 2015;19(1):112–130. DOI [10.1177/1362480614538645](https://doi.org/10.1177/1362480614538645).
15. Holt T. J., Brewer R., Goldsmith A. Digital drift and the "sense of injustice": counter-productive policing of youth cybercrime. *Deviant Behavior*. 2019;40(9):1144–1156. DOI [10.1080/01639625.2018.1472927](https://doi.org/10.1080/01639625.2018.1472927).
16. Molcho M., Walsh S. D., King N. [et al.] Trends in indicators of violence among adolescents in Europe and North America 1994–2022. *International Journal of Public Health*. 2025;70:1607654. DOI [10.3389/ijph.2025.1607654](https://doi.org/10.3389/ijph.2025.1607654).
17. Savenkov A. I. The evolution of the yard subculture and the territorial behavior of children and adolescents in an urban environment. *Values and Meanings*. 2024;(3):6–37. (In Russ.). DOI [10.24412/2071-6427-2024-3-6-37](https://doi.org/10.24412/2071-6427-2024-3-6-37).
18. Salagaev A. L. Delinquent group as a type of adolescent and youth territorial community. *Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*. 2011;(1):3–11. (In Russ.).
19. Kang M. Weaker the gang, harder the exit. *Criminology*. 2025;63(4):780–814. DOI [10.1111/1745-9125.70008](https://doi.org/10.1111/1745-9125.70008).
20. Aebi M. F., Caneppele S., Miró-Llinares F. (eds) Understanding Crime Trends in a Hybrid Society: The Digital Drift. Cham: Springer; 2025. DOI [10.1007/978-3-031-72387-2](https://doi.org/10.1007/978-3-031-72387-2).
21. Piza E., Welsh B., Farrington D., Thomas A. CCTV surveillance for crime prevention: a 40-year systematic review with meta-analysis. *Criminology & Public Policy*. 2019;18(1):135–159. DOI [10.1111/1745-9133.12419](https://doi.org/10.1111/1745-9133.12419).
22. Zubok Yu. A., Karpova A. Yu., Savelev A. O. Practical network topology in the study of online radicalisation of youth: opportunities and limitations. *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2024;15(1):13–42. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2024.15.1.2](https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.1.2).
23. Kondratenko V. A. Alcohol Consumption by Russian Youth and Their Parents in 2006–2019. *Russian Longitudinal Monitoring Survey Bulletin (RLMS-HSE)*. 2022;(12):150–177. (In Russ.). DOI [10.19181/rlms-hse.2022.5](https://doi.org/10.19181/rlms-hse.2022.5).
24. Soldatova G. U., Rasskazova E. I. Digital Socialization of Russian Adolescents: through the Prism of Comparison with Adolescents in 18 European Countries. *Social Psychology and Society*. 2023;14(3):11–30. (In Russ.). DOI [10.17759/sps.2023140302](https://doi.org/10.17759/sps.2023140302).

Received: 09.04.2026. Corrected: 23.05.2026. Accepted: 29.05.2026.

Author information:

Margarita E. Pozdniakova, Candidate of Philosophy, Leading Researcher,
Head of the Department of Sociology of Deviant Behavior, Institute of Sociology of FCTAS
RAS. Moscow, Russia. margo417@mail.ru
ORCID: [0000-0002-7896-5115](https://orcid.org/0000-0002-7896-5115)

Victoriya V. Bryuno, Candidate of Sociology, Senior Researcher,
Department of Sociology of Deviant Behavior, Institute of Sociology of FCTAS RAS.
Moscow, Russia. victoria.bruno@mail.ru
ORCID: [0000-0001-9735-024X](https://orcid.org/0000-0001-9735-024X)